

МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ Я

© 2010 г. М. П. Рекунчак

Аспирант, Омский государственный педагогический университет, Омск;
e-mail: M.Rekunchak@gmail.com

Рассмотрены понимание метафор и представление об их роли в философских и научных дисциплинах. Метафоры рассматриваются как аналитико-синтетический инструмент, опосредующий процессы понимания, истолкования и производства научного и житейского знания. При помощи метафор анализируются базовые подходы к пониманию Я. Обосновывается ценность определения новых корневых метафор, обсуждаются вопросы внедрения новой обобщающей метафоры для теорий Я в психологии.

Ключевые слова: метафора, Я, понимание, рефлексия, смысл, организация дискурса и мышления, собирание себя.

Метафоры в гуманитарных науках – это особое поле исследования, связанное с языком, текстом, пониманием и конструированием смысла, а также с процессами коммуникации, мышления и деятельности. Особенность этого поля состоит в его неоднозначности, сложной концептуализации и артикуляции проблем. В то же время, по мнению многих исследователей, проблема метафор – одна из тех, что открывают для нас возможности глубокой рефлексии тех оснований, которые мы, уже в силу необходимости использования языка, закладываем в имплицитные и эксплицитные теории человека, мира и любых феноменов, связанных с ними.

Цель настоящей публикации – обозначить основные направления изучения функционирования метафор при установлении психологического знания, проиллюстрировав это функционирование на примере Я¹ как исследовательской области в психологии.

¹ Следует различать разные традиции употребления термина “Я” с большой и малой буквы (подробнее см. работы А.М. Улановского, например: [10, с. 38; 11]). Они несут различные смысловые коннотации: как минимум начиная с европейского философского и зарождающегося научного дискурса XVII–XVIII вв. происходит традиция словоупотребления Я с заглавной буквы (распространенная до сих пор в научных кругах), связанная как минимум с религиозными дискурсивными практиками, в которых понятие “Я” в некотором роде мистифицируется, превращается в какую-то “исключительную сущность с не всегда понятной онтологией”. Этот, казалось бы, чисто лингвистический нюанс, имеет историко-психологическое значение, показывая, как религиозные основания изучаемого понятия, так и затем произошедший в 30-х гг. XX в. “резкий поворот к

ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОР В ФИЛОСОФСКИХ И НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

К метафорам, их изучению и пониманию, исследователи обращаются, начиная как минимум со времен Античности. Уже в античной риторике и поэтике закладываются основания для их изучения и устанавливается двойственное отношение к метафоре: с одной стороны, как к украшению языка или дополнительному его механизму, не основной его форме, привносящей иллюзии в познание (Платон), а с другой стороны – как

прозаизации философского языка”, а также свидетельствует о введении разделения в понимание “Я” на классическое (“Я” с большой буквы), идущее “от картезианства до неокантианства и феноменологии: к представлению о “Я” как о некоей *надэмпирической, трансцендентальной* инстанции, как о некоем монадическом образовании, замкнутом на самом себе”, “некоей внутренней, духовной сущности, изолированной от мира, от других людей и собственного тела, внесоциальной, надисторичной и надкультурной” и *диалогическое*, (противопоставляемое первому и критикующему его), идущее от представителей диалогической философии – М.М. Бахтина, М. Бубера, Ф. Розенцвейга, О. Розенштока-Хюсси и др., в котором утверждается понимание “я” (употребляемого с маленькой буквы) как “земного, мирского образования, связанного с другими людьми, диалогического, социального, исторического и культурного по своей сути”. В настоящей статье мы придерживаемся второй, диалогической традиции, которую, однако, не разделила с нами редколлегия журнала, сохраняя верность «Правилам подготовки рукописей для публикации в “Психологическом журнале”» (2007), что выразилось в написании термина Я с заглавной буквы, курсивом и без кавычек в рамках данной публикации.

к способу проникать в суть вещей (Аристотель) [5, с. 213]². Но, несмотря на то, что в Античности было введено и позитивное понимание метафоры, оно еще очень долго оставалось в тени.

Продолжительное время, уже после возникновения наук, употребление метафор в них считалось недопустимым, в связи с тем, что это вносит двусмысленность, приводит к неточностям и т.д. [1]. «С развитием экспериментальных наук и принятых в них представлений об истинности, недоверие к поэзии и риторике становится доминирующим в западной мысли, а метафора и другие образные приемы становятся объектами презрения» [5, с. 213]. Так, Т. Гоббс, продолжая линию Платона, считает, что метафоры двусмысленны, абсурдны и обманчиво эмоциональны, рассуждать с их помощью (стремясь к истине) нелепо, а в результате их использования появляются разногласия, возмущения и презрение [там же]. Дж. Локк также критикует «всякое искусственное и образное употребление слов», так как оно, в частности, будучи связанным с воображением и чувствами, вводит в заблуждение, обманывает, и предлагает избегать его в рассуждениях [там же, с. 214]. Таким образом, опровергается спонтанность и красота (образность) словоупотребления и усиливается дихотомия между истиной и разумом, с одной стороны, и искусством и воображением, с другой [там же, с. 215].

Хорошей иллюстрацией такого понимания метафоры, в столкновении его с пониманием иным (которое также будет сейчас проиллюстрировано), может быть неопозитивистская программа, предполагавшая исключение из научного языка всех недостаточно определенных, «метафизических» утверждений. Однако, как показывает Л. Витгенштейн, эта программа встретила серьезные препятствия: стремление к идеальному языку «заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно трение. Назад, на грубую почву!» [2, с. 126]³.

² В этом контексте можно отметить, что Аристотель, критикуя Платона, указывал на то, что некоторые понятия, которым последний придавал строгий смысл, есть не более чем метафоры [9, с. 68]. Вместе с тем, и сам Аристотель, различая определения и метафоры, призывал быть осторожными в отношении двусмысленности последней. «Метафора, – писал он в своей «Поэтике», – состоит в наделении вещи именем, которое принадлежит чему-то еще» [20, с. 49].

³ Переход от негативного к позитивному представлению о метафоре связан также с переосмыслением понимания языка: от концепций, в которых язык – средство репрезентации

Таким образом, только в конце XIX – начале XX в. всерьез начинает утверждаться иное понимание метафор, и оно постепенно охватывает все большее количество наук (от философии и наук, посвященных исследованию только речи и языка, к наукам, связанным с их использованием), двигаясь тем самым к основаниям рациональности.

Так Ф. Ницше в конце XIX в. высказывает мысль о том, что истина – это «движущая толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, – короче, сумма человеческих отношений... истины – иллюзии, о которых позабыли, что они таковы, метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными» (цит. по: [9, с. 12]). Он же пишет, что «побуждение к образованию метафор – это основное побуждение человека»⁴, а также, что «мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» (цит. по: [9, с. 11–12]).

Кроме того, начинает обнаруживаться практическая использование метафор для описания и объяснения различных сфер. Так, Р. Хоффман, автор целого ряда исследований метафоры в философии и психологии, писал: «Метафора исключительно практична... Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» (цит. по: [9, с. 6]).

Итак, традиция рассмотрения метафор в философских и научных дисциплинах, в частности психологии, как показывает наш анализ, идет, прежде всего, из зарубежных гуманитарных и социальных наук. Тем не менее, была затронута лишь предыстория исследования метафор, где метафоры рассматривались в связи с познанием. Но можно выделить и другую сторону обсуждения проблемы метафоры – она существует как нарастающая тенденция, и может быть описана как рефлексия оснований гуманитарного познания с позиций метафоры, ее осмысления не толь-

и, соответственно, буквален, – к концепциям, в которых он рассматривается в качестве медиума, посредника для создания, (социального) конструирования реальности.

⁴ Еще в XVII в. Дж. Вико признавал метафоры наиболее важными проявлениями творческого потенциала человека [20, с. 51].

ко как феномена языкового, но и как феномена мышления и понимания, лежащего в основании обыденных и научных рассуждений, построений. Отметим ключевые работы, выполненные в этом направлении и их авторов.

Значительной фигурой здесь является Стефан Пеппер (*S.C. Pepper*) – признанный за рубежом, но малоизвестный у нас “авторитет в эстетике, философии ценностей и метафизике”, который «сделал метод базовой метафоры центральным моментом при создании своей основополагающей работы “Гипотезы о мире”» (1942), “проследил историю метафизики и пришел к выводу, что любое метафизическое положение, или гипотеза о мире, исходит из базовой – “корневой” – метафоры. Он показал, каким образом базовая метафора обеспечивает точку зрения для объяснения явлений и событий, происходящих в мире природы и в человеческих мирах. Базовая метафора определяет типы философских или научных моделей⁵, которые... приложимы либо к задачам наблюдения и классификации, либо к задачам интерпретации и объяснения. Таким же образом выбор базовой метафоры определяет категории анализа и исследовательские вопросы” [8, с. 7]. Соответственно, С. Пеппер был одним из первых, кто обобщил возможности использования метафоры для осмысления теорий человека и мира, в том числе научных [24].

Более широкое (и в целом – общенаучное) обсуждение проблема метафоры получила, начиная с 60-х гг. XX в. В это время (1964) А. Кёстлер (*A. Koestler*) отстаивал позицию о том, что исследователи привносят в свою исследовательскую область теоретическую структуру, которая может быть более или менее осознанной и в терминах которой они истолковывают явления, которые наблюдают; Т. Кун показал (1962), что эти структуры изменяются в течение времени, причем иногда весьма быстро. Ученые используют метафоры при рождении и организации

идей (Л. Дарден (*L. Darden*) (1980), А. Кёстлер (1964), М. Хессе (*M. Hesse*) (1966), Д. Хофстэдтер (*D. Hofstaedter*) (1981), Р. Хоффман (1980)); интроспективные отчеты ученых подчеркивают важность метафоры в их творческом размышлении (например, С. Глэшов (*S. Glashow*) (1980), Дж. Кеплер (1620), Р. Оппенгеймер (1956)). Существуют экспериментальные демонстрации того, как люди при решении задач привносят и задействуют аналогии (Д. Джентнер (*D. Gentner*), М. Гик (*M. Gick*) и К. Холиоак (*K. Holyoak*)) [18, с. 181].

Анализ исследований показывает, что метафора может выступать: как *трон*, т.е. языковое явление, основой которого выступает перенесение смысла слов, в ряду таких речевых явлений, как метонимия, синекдоха, гипербола и др.; как *орудие и форма мышления* (напр., позиция Х. Ортеги-и-Гассета [9, с. 68]); как *обобщение, универсальность* (когда подчеркивается ее синтезирующая, связывающая различные области роль), и в противовес этому – как *аналитическое образование* (когда, например, комплексная идея распадается на компоненты, выраженные различными, частными метафорами, или когда метафора используется как сокращенное сравнение или противопоставление: это одно из ключевых пониманий метафоры (см. работы А. Вежбицки, Х. Ортеги-и-Гассета, Д. Дэвидсона в [9]; Д. Грехема в [26, с. 3–4] и др.), обнаруживающееся уже в работах Аристотеля [20, с. 51]; как *явление, используемое для понимания и общения* (когда подчеркивается экспрессивная роль метафоры как средства перевода идеи, разработанной и установленной в одной форме в другую; когда подчеркивается, что в метафоре происходит обоснование, т.е. создание платформы, основания (в т.ч., и возможно, в первую очередь, ценностного) для понимания, или убеждения; происходит организация смысла, текста – задание его структуры, глубины, перспективы, определенного ракурса рассмотрения, выделение предмета и фона, обеспечение согласованности и т.д.; когда подчеркивается регуляция метафорой отношений власти и подчинения в событии, явлении и даже целой научной области (см., например, [20]), к которым она применяется; а также в других своих проявлениях и применениях.

Замечено, что целый ряд метафор выступают как общенаучные понятия, конвенционализованные способы рассмотрения, коммуникации и деятельности по отношению к объектам и предметам науки и многому другому в них [20].

⁵ Соотношение метафор и моделей (а также теорий) в научных текстах неоднозначно. Обычное соотношение этих понятий можно представить следующим образом: метафора является ядерным образованием, принципом организации модели, а, следовательно, и теории; модель – структурным образованием, на котором держатся основные предположения и объяснительные возможности теории. Однако нередко бывает, что метафоры оказываются неразвернутыми (в модели и теории), а используются лишь для согласования текста. В этом смысле они ничего не определяют, а лишь затевают действительные проблемы, делая построения менее осмысленными. Подобную мысль высказал С. Пеппер: понятия или “концепты, которые потеряли контакт со своими базовыми метафорами – это пустые абстракции” [24, с. 115].

МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛОГИИ

Применительно к психологии о метафорах заговорили как минимум в конце 70-х гг. XX в.⁶ такие зарубежные исследователи, как Теодор Р. Сарбин (*T.R. Sarbin*), в 1986 г. рассмотревший на основании метафор “мировоззрения” в психологии (понимание и осмысление человека) [8], а также проанализировавший метафоры нежелательного поведения [21]; Роберт Дж. Стенберг (*R.J. Sternberg*), в 1997 г. применивший “методологию метафор”⁷ для осмысления теорий умственных способностей, Джон Д. Смит (*J.D. Smith*), вычленивший “методологию метафор” из работ Р. Стернберга и применивший ее к теориям Я и Я-концепции для их осмысления и классификации [25], Клаус Криппендорфф (*K. Krippendorff*), рассмотревший применение теории метафор в коммуникации и проанализировавший их роль в научном дискурсе в целом [20], Дедра Джентнер и Джонатан Грудин (*J. Grudin*), изучившие смену метафор в истории американской психологии [18], Петр Николаевич Шихирев, проанализировавший использование метафор и соответствующих им моделей человека и мира в психологических теориях [13], а также Дэвид Е. Лири (*D.E. Leary*), подчеркнувший роль метафор в истории психологии, Карл Прибрам, рассмотревший переход от метафор к моделям и использование аналогий в нейропсихологии, Роберт Р. Хоффман, Эдвард Л. Кочран (*E.L. Cochran*) и Джеймс М. Нид (*J.M. Nead*), проанализировавшие когнитивные метафоры в экспериментальной психологии, Джером Брунер и Кэрол Ф. Фелдман (*K.F. Feldman*), рассмотревшие метафоры сознания и познания в истории психологии, Лоренц Д. Смит (*L.D. Smith*), рассмотревший метафоры знания и поведения в бихевиористской традиции, Кеннет Дж. Джерджен, изучавший взаимосвязи метафор, метатеорий и социального мира, Курт Данцигер, рассмотревший порождение метафор и историю психологического дискурса [21], и мн. др. Современные отечественные психологи также обращаются к проблеме метафор, в частности В.П. Зинченко – к метафорам смысла [4], В.Ф. Петренко – к метафоре отражения в психологии [6].

⁶ До этого о них упоминали сначала Л.С. Выготский [3, с. 369], а затем в 1966 г. – Х. Ортега-и-Гассет (см. [9, с. 76]), указывая на то, что все (для первого) или почти все (для второго) слова и термины в психологии – суть чистые метафоры.

⁷ “Методология метафор” – собирательное рабочее понятие, используемое нами для описания различных рефлексивных способов применения метафор и их различных пониманий к исследованию.

Обзор данных исследований показывает, что обращение к метафоре, все шире распространяющееся в различных отраслях зарубежной психологии (и более того – в общенаучном дискурсе), не случайно. Задействование метафор для анализа отдельных феноменов, важнейших категорий психологии, истории ее становления, а также целостных подходов и теорий, и другие виды ее использования, т.е. теоретическое осмысление метафор, которое происходит в современной психологии (и шире – в поле гуманитарных наук), может быть понято как возрастание роли рефлексии в научном познании, ведь происходит обращение не только к самому предмету науки, но к тем инструментам, которые использует исследователь для познания и производства знания. Как пишет К. Криппендорфф, *устойчивое использование различных метафорических выражений “в научном дискурсе, так же как в ежедневном разговоре, характеризует работу чрезвычайно сильной парадигмы, которая управляет производством знания в современном обществе, направляет большую часть социальных исследований, управляет многими проблемами в человеческой коммуникации, и должна хорошо служить существующим институтам”* [20, с. 13] (курсив мой. – М.Р.). Метафора может быть осмыслена как инструмент, орудие, прием, с помощью которого происходит накладывание ценностно-смысловых рамок⁸ при конструировании и конституировании социальных объектов и феноменов.

Кроме того, инструментальное использование метафор в психологии приводит к пересмотру ее понятийного аппарата вместе с самими теориями, позволяя, возможно, более точно, чем ранее определить границы применимости тех или иных теорий и подходов, а также категорий и понятий в них используемых. Пересмотр психологии с данных позиций позволяет производить психологические исследования междисциплинарно, проследивать использование в психологии метафор из других областей научного знания, а также переопределять возможности поиска психологией своих ключевых метафор.

Закончим на этом краткое введение в проблематику использования метафор в современной психологии и перейдем к иллюстрации использования “методологии метафор” применительно к Я человека и теориям Я в психологии.

⁸ Подробнее об этих процессах см. рефлексивно-регулятивный подход, воплощенный в работах А.С. Шарова (см. [12 и др.], в частности, его докторскую диссертацию), а также понятие “различение” в работах Н. Лумана и К. Криппендорфа [20 и др.].

МЕТАФОРЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ Я

Применение “методологии метафор” к Я, предлагаемое ниже, – один из возможных способов исследования некоторых пониманий Я, развиваемых в исследовании. Выделение ключевой метафоры и обоснование границ ее применимости к рассмотрению чего-либо является задачей для того, кто хочет применить “методологию метафор” в качестве инструмента понимания и анализа. Определение ключевой метафоры – это теоретическая возможность рассмотреть, как и с помощью чего создается и функционирует Я.

Проблема Я в психологии – одна из старейших и сложнейших в социальных и гуманитарных науках, рассмотрением которой занималось огромное число исследователей. Тем не менее, она остается недостаточно разработанной, отрефлексированной, а ее понимание недостаточно обобщенным и согласованным. Эти сложности возникают еще и в связи с многочисленными вариантами постановки и решения данной проблемы. Уже здесь, на одном из первых этапов оформления и конструирования текста о Я и его понимании, мы предлагаем привлечь “методологию метафор”. В самих описаниях (которые, есть не описания, а реконструкции) подходов к Я и его пониманию, в различении и объединении, классификации и категоризации идей различных авторов выстраивается понимание Я, а точнее – его теория, которая может получаться более или менее согласованной, обоснованной и т.д.⁹

Отметим, что традиционная логика рассмотрения Я, например хронологическое рассмотрение идей и подходов к нему или рассмотрение данного понятия, существующего в различных подходах, традициях, представляется явно недостаточной. Зачастую это “накатанные дорожки”, ведущие к трансляции существующих в научных дискурсах противоречий, такому оформлению и формированию знания, при котором может сохраняться структура отношений знакомого и незнаемого, буквального и метафорического и т.д. Задействование “методологии метафор” – это способ иным, более рефлексивным и согласующим образом подойти к проблеме оформления исследовательской

области. В частности, согласование происходит не в истории (точнее – хронологии) науки (ведь, по мнению некоторых философов науки, ее развитие не хронологично, а например, полифонично) и не в эклектичном соединении (лучших наработок) различных подходов, а в принципиальных способах рассмотрения явлений, организации и выстраивании понятий, с учетом основных ценностей и значимостей, задающих их основание.

Концепт Я объединяет в своем поле различные понятия, значимость которых отличается в различных подходах, традициях и у разных авторов: Я, Я-концепция, образ Я, самость, идентичность и др. Дж. Брунер отмечает, что Я, *увиденное* раньше, как в значительной степени “монолитное”, “индивидуализированное”, теперь все чаще *конструируется* с опорой на “множественные” (*pluralist*) и “помещенные” в контекст (*situated*) модели и интерпретации, а его развитие *рассматривается* с акцентом на взаимодействие, интерактивность [14]. Оно *рассматривается* как нечто “динамичное, т.е. активное, сильное и способное к изменению” (*H. Markus* и *E. Wurf*), обладающее когнитивными, перцептивными, аффективными и оценочными свойствами, и *тесно связано* с моральными (ценностно-нормативными) практиками, привлекающими деятельность (*agency*) и ответственность (*P. Харре*) (в этом предложении цит. по: [25, с. 46]). Для человека его Я существует, прежде всего, как “теория о самом себе” (см., например, “имплицитные теории личности” у Фр. Бартлетта (*Fr. C. Bartlett*)), Дж. Брунера и Р. Тагиури, “теории себя” (дословно самотеории – *self-theories*) у К. Двек (*K. Dweck*) [15], “непрофессиональные (фоновые) теории” Я и социального мира – *lay theories* у Кэрол Двек и Дениэля Молдена (*D. Molden*) [22], а также “внутренние рабочие модели собственного Я” у Дж. Боулби), позволяющая размышлять ему о собственном опыте, обеспечивая возможности для изменений и регуляции себя и своей жизни. Таким образом, оно *существует* как “отдельный вид рефлексивного, интерпретативного понимания”, которое разворачивается и воплощается “в пределах исторической, социокультурной традиции жизни (жизненного мира)” (*J. Martin* и *J. Sugarman*), т.е. *выступает* как часть жизненного мира, “и поэтому, оба – есть просто различные аспекты одного и того же феномена” [25, с. 46]¹⁰.

⁹ То, что мы как исследователи делаем, и то, как мы это делаем, участвует в формировании теории не в меньшей, а, по всей видимости, в большей степени, чем выдвижение каких-либо тезисов, содержаний, пониманий и т.д. Интересен вопрос – насколько далеко можно зайти в такой рефлексии при конструировании теории? В любом случае, для такой сложной области как Я, необходимо применение в значительной степени рефлексивной методологии ее рассмотрения и выстраивания.

¹⁰ Жизненный мир в трактовке Дж. Смита объединяет «все материальные и нематериальные аспекты существования людей, включая их восприятия, воспоминания и воображения; он представляет собой виртуальную “сеть”, соединяющую все их физические и социальные отношения с людьми, местами и идеями, в прошлом, настоящем и будущем» [25, с. 46].

Такое понимание согласуется с отечественной традицией рассмотрения человека в мире, бытии, идущего, в частности, от С.Л. Рубинштейна, а также с представлениями М. Хайдеггера и других экзистенциалистов¹¹.

Задав метафору пространства, определив координатные оси, можно рассмотреть накопленные в психологии знания о Я следующим образом: на горизонтальной оси (или даже плоскости) расположим знание о себе, связанное с определенным контекстом или ситуацией, в которой оно было приобретено; такое знание, как правило, связано с практикой, со способами использования этого знания. На вертикальной оси поместим “контекстуально свободное” знание себя; оно скорее связано не с ситуациями и контекстами употребления этого знания, но определено в теоретических структурах, развиваемых специалистами исследовательских сообществ. Такую метафору задал Базил Б. Бернштейн (*B. Bernstein*): проблема примирения двух типов знания называлась у него “реконтекстуализацией” [25, с. 47]. Отметим, что, будучи рассмотренными в такой модели, исходящей из пространственной метафоры, различные, в том числе научные, знания о Я (среди которых теоретические и экспериментальные) можно постараться соотнести друг с другом (другой вопрос, что пространственная метафора и модели из нее исходящие оказываются ограниченными).

Метафоры, связанные с Я и используемые для описания “природы” и характеристик Я, можно извлекать из различных консультативных, практических и теоретических контекстов¹². Такие по-

пытки с той или иной степенью обоснованности и подробности уже предпринимались. Постараемся обобщить их.

Мария Хоскинс (*M. Hoskins*) и Джоанна Лезехо (*J. Leseho*) рассмотрели изменение метафор Я, используемых в консультировании, и высказали следующий тезис: “Каждая метафора заключает в себе предположение о лучшем способе существования в метафоре”. Например, “объединенные и интегрированные Я отсылают к наивысшему существованию Я; сложное Я связано с социокультурным существованием”¹³ [25, с. 48]. Иными словами, метафора в силу своей рефлексивно-обобщающей организации содержит границы собственного наилучшего понимания и применимости, а также способ существования в ней (ср. с идеями Н. Лумана, К. Криппендорфа).

Как можно видеть из примера исследовательниц, представленного выше, метафоры не так строги, как категории, в своей способности к различению (например, категории деятельность и общение, казалось бы, лучше различают нечто в “реальности”, однако и данное различие в некотором смысле условно и оказывается связано с дискурсивными практиками, имеющими распространение в том или ином научном сообществе): “наивысшее существование Я” вполне может быть связано с “социокультурным существованием”, а значит “интегративное Я” имеет в своем содержании (как минимум) пересечения со “сложным Я”. Тем не менее, “методология метафор” позволяет различить теоретические построения, распространенные в науке, а, следовательно, указать на пересечения, на общее в них, т.е. ведет к обобщению и интеграции подходов¹⁴. Тогда “методология метафор” может быть увидена как движение в сторону кибернетики второго порядка, с ее поисками междисциплинарного языка (в нашем примере достаточно ограничиться языком для диалога и понимания между исследователями, представляющими различные традиции и подходы к изучению Я в рамках психологии).

Среди традиционных метафор Я М. Хоскинс и Дж. Лезехо рассматривают такие модели, в которых его единство, унитарность усматриваются через представление об “артишоке” (определенного рода собранности, организации), где твердое ядро окружено слоями опыта, накопленного за

¹¹ В данном абзаце в качестве примера курсивом были помечены некоторые устоявшиеся выражения (распространенные повсеместно в науках, а не только в психологии), которые, однако, могут быть осмыслены как метафоры.

¹² Было бы наивно полагать, что одна теория, даже хорошо согласованная, может быть рассмотрена как последовательное разворачивание одной метафоры. Дж.В. Осовски (*J.V. Osowski*), один из аналитиков работ В. Джеймса, показал, что последний пользовался различными метафорами для раскрытия своих теоретических идей. Более того, именно благодаря гибкому задействованию целого ансамбля метафор, В. Джеймс предложил интересные и поныне идеи (например, метафора потока с его разветвленными и сложными течениями позволяет описать феноменологию мышления, показать, что это не просто цепочка мыслей, но что взаимосвязи здесь полилинейны. Однако, это не единственная метафора в работах В. Джеймса, есть и другие). Аналитик не удалось обнаружить корневой метафоры для ансамбля метафор В. Джеймса [19, с. 79–80]. Кроме того, разные авторы подчеркивают, что в творчестве одного и того же ученого (а тем более, у исследователей, придерживающихся одной традиции, – добавим мы) в ходе (в истории) его рассуждений о предмете, может сменяться целая серия метафор. Анализ причин, вызывающих смену метафор, представляется теоретической возможностью рассмотрения развития понимания в теории или концепции.

¹³ Об этих видах Я см. далее.

¹⁴ Вместе с тем, К. Криппендорфф, например, считает, что различные метафоры принципиально не сводимы к единому знаменателю, их нельзя обобщить, так как разные метафоры участвуют в продуцировании различных социальных миров [20].

годы жизни (например, сюда относится модель Х. Кохута). Другая, более современная модель, подчеркивающая единство *Я*, – это модель “интегративного *Я*”. В ней оно может быть рассмотрено в метафоре “совета директоров”, где каждый аспект *Я* является отдельным директором. Иногда в таких моделях обнаруживается *Я*, выступающее в роли председателя, который собирает все несопоставимые части вместе. Указанным подходам данные авторы противопоставляют постмодернистские подходы: “нарративное *Я*”, где *Я* рассматривается как процесс и результат рассказывания; “возможные *Я*”, где различаются *Я* в прошлом, настоящем и будущем, и само *Я* оказывается “когнитивным мостом” между планами “настоящего *Я*” и “будущего *Я*”; “пустое *Я*”, где *Я* рассматривается как “голограмма” с аморфными границами, а клиент рассматривается как занятый постоянным поиском смысла, чтобы заполнить пустоту [25, с. 47–48].

Одним из наиболее последовательно проанализировавших метафоры *Я*, был, насколько нам известно, Дж.Д. Смит. Его работа основана на модели анализа метафор умственных способностей Р. Стернберга. Последний использовал метафорические ярлыки, описывающие различные теоретические подходы, и полагал, что “трудно понять историю теоретической работы над умственными способностями и то, как различные подходы к умственным способностям взаимосвязаны, пока каждая теория не будет отображена в терминах их основных метафор” (цит. в данном абзаце по [25, с. 49–50]). Он систематически отобразил метафоры умственных способностей в виде тройственной структуры, представив внутреннюю, внешнюю и пограничную области индивидуального мира. Для этого были обобщены ответы на такие вопросы, как: “Что такое умственные способности, с точки зрения той или иной метафоры?”, “Что является главным предположением или вопросом?”, “Каков главный производный вопрос?”, “Каковы типичные теории и теоретики [к которым можно отнести данную метафору – *М.Р.*]?”. Одна из основных целей Р. Стернберга “состояла в том, чтобы разъяснить, какие вопросы могут и не могут быть адресованы конкретным теориям из-за ограничений метафор, на которых они основаны”. Значимым результатом Р. Стернберга было разделение метафор умственных способностей на шесть групп (географическая, биологическая, антропологическая, эпистемологическая, социологическая, вычислительная), к которым была добавлена седьмая – “системная”, объединившая метафоры, описывающие умственные способности в терминах взаимодействия сложных систем.

Дж. Смит, используя структурирование индивидуального мира человека, предложенное Р. Стернбергом, задался вопросом: “Какое отношение имеет *Я*-концепция к внутреннему, внешнему миру человека и к границе между ними?”. На основе полученных ответов он систематически сгруппировал главных авторов и их теории, а также маркировал каждую группу метафорическим “ярлыком”. Получилось девять групп метафор, определяющих специфические подходы к пониманию *Я*, а также еще одна “системная” группа, в которой *Я* рассматривалось как саморегулятивная система (она была обозначена “экологической” метафорой). Данная классификация метафор представлена в Приложении¹⁵. Полученную тройственную структуру метафор *Я* Дж. Смит предлагает рассмотреть в системной перспективе: тогда она приобретает не иерархический, а матричный вид, а само *Я* становится “сетевым” и обладающим системными свойствами [25, с. 49–56].

Другим способом концептуализации метафор *Я* воспользовалась Линда Е. Олдс (*L.E. Olds*). Она отмечает, что выбор терминов и наполнение их смыслом в истории психологии, и в частности по отношению к проблеме *Я*, очень показательны. Термины становятся адекватными в каком-то русле рассуждений. Использование термина *Я* – это в целом различная концептуализация и постановка чрезвычайно трудных и абстрактных вопросов, о том “кто мы?”, “что наиболее важно (в каком-то контексте) знать о человеке?”, а также поиск ответов на них [23, с. 58–59]. Л.Е. Олдс выделяет целый ряд пониманий *Я* в психологии, указывая на базовые метафоры этих пониманий: рациональное *Эго*, с центральной метафорой *Я* как сознательной части человека; идентичность, с центральной метафорой *Я* как единой (интегрированной), в т.ч. и во времени, личности; *Я* как активный процесс; *Я* как целостность. Последняя метафора в соответствии с размышлениями данной исследовательницы, – это движение к системной метафоре, так как она содержит в себе в снятом виде остальные метафоры.

Менее целостные анализы метафор *Я* встречаются и у других авторов, например, с возрастной и (отчасти) с гендерной стороны идентичность может быть рассмотрена как “путь к возмужанию”, и тогда *Я* – тот субъект, кто движется по этому пути [17, с. 216], или, например, *Я* как турист, путешествующий в социальном мире [26] и др.

¹⁵ Результат систематической группировки теорий *Я*, предложенной Дж. Смитом, явился способом определить основные возможности и ограничения этих теорий, в пределах которых они могут иметь объяснительную силу.

НОВЫЕ МЕТАФОРЫ В ПСИХОЛОГИИ: “СОБИРАНИЕ” Я

Как показывает анализ, можно выделить целый ряд корневых метафор Я, тем не менее, нередко новые попытки осмысления данной области могут приводить к новым метафорам. Ценность новых корневых метафор для научной области состоит, в частности, в том, что с их помощью могут интегрироваться и обобщаться (более диалектичным, а не эклектичным образом) целые семейства метафор¹⁶, а также доопределяться и оформляться недооформленные представления и исследовательские разработки. Кроме этого, метафора – это всегда понимание чего-то одного в терминах другого [5] и одно может (например, по своей структуре, содержанию или форме) стать метафорой другого. Соответственно, метафора – это вид или форма опосредования (или даже – опосредствования)¹⁷, а практически каждое новое опосредующее звено, когда мы начинаем его в качестве такового использовать, способно достаточно сильно повлиять на нас, изменить нас и мир, бытие, в котором мы живем, и в частности – действуем, работаем, понимаем, переживаем, а также производим (научное) знание. В силу этого ценность введения новых корневых метафор¹⁸ для любой исследовательской области становится очевидной¹⁹.

¹⁶ Необходимо отметить, что метафоры не функционируют в изоляции друг от друга. Они объединяются в семейства метафор, а из последних могут формироваться целые ансамбли метафор. Отдельные метафоры из семейства метафор совершают примерно одинаковую работу, в то время как различные семейства метафор играют различную роль в формировании общей конфигурации смысла [8; 19, с. 82].

¹⁷ В словоупотреблении М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра метафору можно осмыслить как горизонт, в направлении которого разворачивается понимание. В этой связи метафора может пониматься и как средство, и как среда (в, частности, организованное некоторым образом смысловое пространство), и она, соответственно, либо опосредствует, либо опосредует.

¹⁸ Конечно, это не означает что любая новая метафора продуктивна. Наверное, она должна отвечать каким-то параметрам, но их определение необходимо отграничить в особом исследовании (можно привести множество примеров малоизученной т.н. “обыденной жизни”, в которых может быть установлено, что выступающие в качестве основы для метафорического переноса области опыта человека, в частности его представления и знания, каким бы оно не было, например, социально неприемлемым, оказывается – эффективным способом для человека понимать нечто в собственной жизни).

¹⁹ Ср.: Исследовательница материнства Ф. Дайкс (*F. Dykes*), ссылаясь на работы целого ряда исследователей, приводит следующий пример: появление и распространение в XVII в. механических часов очень сильно повлияло на человека, изменив в частности, его мышление, потреб-

В качестве новой для психологии Я предлагается рассмотреть метафору “собираания”. Данная метафора уже привлекалась некоторыми авторами (А.А. Богданов, М. Хайдеггер, М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко, А.С. Шаров) (подробнее см.: [7]), но в психологии она не получила достаточного распространения и утверждения. Тем не менее, она может быть соотнесена с современными исследованиями социальных конструкционистов, акцентирующих моменты социального конструирования человека и его Я. Эта же метафора может быть соотнесена с рассмотренными выше моделями Я как артишока и интегративного Я. Отсюда следует, что пониманий “собираания” может быть много. Это может быть и механическое собирание единого Я из частей, его конструирование в ходе социально-психологических практик, его самоорганизация и др.

Мы предлагаем определить метафору “собираание” Я через понятия границы и рефлексии (см. работы А.С. Шарова, например, [12]), и тогда собирание себя происходит посредством различения (см.: Н. Луман, К. Криппендорфф) и соединения (см.: М. Хайдеггер; ср.: Х. Плеснер и Н. Луман: граница не столько разделяет, сколько соединяет) в смысловом пространстве, иными словами – в рефлексивных процессах, создающих некую форму, структуру, систему, организацию смысла. Метафора “собираания” предполагает процесс “собираания” и его результат – “собранное” Я. В этом смысле собирание и собранность близки настрою (или настроенности, по М. Хайдеггеру), а также в какой-то мере волевой регуляции по В.А. Иванникову и Л.С. Выготскому (ср.: “собрался с мыслями, с духом”). Соответственно, сама идея собирания применительно к Я – это метафора, позволяющая опосредованно (через определенную “организацию”) увидеть человека, как готового, подготовленного (определенным образом) к чему-то, увидеть его интенциональность. Кроме того, идея “собираания” близка идее “метафоры”. В этом смысле Я есть посредник в человеческой жизни, ее опосредующий процесс и форма. Метафора собирания, таким образом, позволяет интегрировать и обобщить многие из рассмотренных выше пониманий Я.

ностную сферу, возможности понимания и осмысления себя и мира, т.к. позволило (достаточно точно) оценивать течение времени (в противовес сезонному осмыслению времени, а также связанному с циклами, в т.ч. биологическими, которыми, в первую очередь жили люди ранее) [16, с. 12–14].

ВЫВОДЫ

Метафоры широко применяются в психологии, но их использование слабо рефлексивируется, в силу чего психологическое знание нередко натурализируется²⁰ и делается менее осмысленным. Инструментальное использование метафор в исследовательских процедурах психологов свидетельствует о возрастании рефлексивной составляющей научных исследований и ведет к развитию психологии. Метафоры могут использоваться как для установления психологического знания, так и в качестве аналитических инструментов в работе с теориями и их положениями.

В частности, к анализу *Я* как обширной исследовательской области применяются разные метафоры в попытках соотнести различные его понимания. С другой стороны, сами эти понимания базируются на различных допущениях и метафорических основаниях.

В работе показано, что метафора, являясь инструментом понимания одного в терминах другого (других), участвует в опосредовании того, к чему применяется, изменяя (переструктурируя, переосмысляя) его, т.е. создавая, конструируя новое.

Рефлексивное выдвижение новых метафор, способных к осмысленному включению, обобщению и интеграции других метафор, и следующее за этим развитие теории, на новом метафорическом основании – одна из творчески-теоретических задач психологии как науки. В качестве обобщающей метафоры для *Я* как исследовательской области предлагается рассматривать метафору “собирания”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев К.И.* Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 40–50.
2. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Т. 1.
3. *Выготский Л.С.* Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
4. *Зинченко В.П.* Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 100–113.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 71–88.
7. *Рекунчак М.П.* Психологические механизмы собирания *Я* // Современная психология: от теории к практике: Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов – 2008”. Секция “Психология” (Москва, 9–10 апреля 2008 г.). М.: МГУ, 2008. Ч. 3. С. 462–465.
8. *Сарбин Т.Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–44.
9. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
10. *Улановский А.М.* Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–45.
11. *Улановский А.М.* Что стоит за строчным “я”? (Комментарий к статье Г. Херманса) // Постнеклассическая психология. 2007. № 1. С. 54–55.
12. *Шаров А.С.* Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия: Монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.
13. *Шихурев П.Н.* Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+, Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
14. *Bruner J.S.* Acts of meaning. L.: Harvard University Press, 1990.
15. *Dweck C.S.* Self-Theories: Their Role in Motivation, Personality, and Development. Philadelphia: Taylor and Francis, 1999.
16. *Dykes F.* Breastfeeding in Hospital: Mothers, Midwives and the Production Line. L., N.Y., Taylor and Francis, Routledge, 2006.
17. *Fitzgerald T.K.* Metaphors of Identity: A Culture-communication Dialogue / Eds. T.K. Fitzgerald. N.Y.: Albany State University of New York Press, 1993.
18. *Gentner D., Grudin J.* The evolution of mental metaphors in psychology: A 90-year retrospective // American Psychologist. 1985. V. 40. P. 181–192.
19. *Gruber H.E., Bödeker K.* Creativity, Psychology and the History of Science. Dordrecht Springer Science and Business Media, 2005.

²⁰ Нечто называется таким образом, что выглядит как естественное, натуральное, природное, хотя на поверку является способом говорить, чем-то что было приписано (причем даже не обязательно намеренно) исследователем, или просто красивой метафорой. Ссылаясь на К. Криппендорффа, можно привести такой пример: многие теоретики “находят иерархии в организации Вселенной (галактики, содержащие солнечные системы, содержащие планеты, содержащие ...), в организации научного знания (философия → теоретическая наука → практическая наука → практика ...), в организации живых существ (например, система биологической классификации Линнея), и так далее – не понимая, что это не природа, которая организована таким образом”, но последствия существующей коммуникативной парадигмы, и в частности малорефлексивного использования метафор [20, с. 17].

20. *Krippendorff K.* On communicating: otherness, meaning, and information / Ed. F. Bermejo. Routledge, 2009.
21. *Metaphors in the History of Psychology* / Ed. D.E. Leary. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
22. *Molden D.C., Dweck C.S.* Finding “meaning” in psychology: A lay theories approach to self-regulation, social perception, and social development // *American Psychologist*, 2006. V. 61. P. 192–203.
23. *Olds L.E.* *Metaphors of Interrelatedness: Toward a Systems Theory of Psychology.* Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1992.
24. *Pepper S.C.* *World hypotheses. A study in Evidence.* L., 1970.
25. *Smith J.D.* The self-regulated nature of self-concept and the Life World – investigating the process of personal change and transition // *Educate~. The Journal of doctoral research in education.* 2004. V. 4. № 2. P. 45–65.
26. *The Tourist As a Metaphor of the Social World* / Ed. G.M.S. Dann. N.Y.: CABI Publishing, 2002

ПРИЛОЖЕНИЕ

Метафоры Я и Я-концепции по Дж. Смигу [25]

Метафора	Производный вопрос	Типичные теории	Теоретики (работы)
<i>Метафоры, связанные с внутренним миром человека</i>			
Географическая	В какой форме отображается (картографируется) Я-концепция	Структурные модели Умственные способности (интеллект)	(<i>Marsh, Hattie</i> , 1996) (<i>Shavelson, Hubner, Stanton</i> , 1976) (<i>Sternberg</i> , 1997)
Биологическая	Как анатомия и физиология мозга и центральной нервной системы связаны с Я-концепцией?	Отображение (картография) ума (функции и структура) Чувства и понимание (компетентность)	(<i>Carter</i> , 1998) (<i>Sacks</i> , 1986) (<i>Greenfield</i> , 2002)
Биографическая / нарративная	Как эта личностная “история” Я-концепции выражается и понимается людьми?	Биографическое Я Возможные Я Жизненного пути Развивающая Переходная Рефлексивная практика нарратива (рассказывания)	(<i>Maclure</i> , 1993) (<i>Markus, Nurius</i> , 1986) (<i>Sugarman</i> , 1996) (<i>Lankard</i> , 1993) (<i>Schon</i> , 1983) (<i>Bruner</i> , 1995)
<i>Метафоры, связанные с внешним миром человека</i>			
Социологическая	Какие социальные процессы вовлечены в создание операциональной Я-концепции?	Символический интеракционизм Драматургические модели	(<i>Mead</i> , 1934) (<i>Goffman</i> , 1975)
Антропологическая	Насколько Я-концепция является артефактом (предметом культуры)?	Этнометодология Конструирование смысла	(<i>Garfinkel</i> , 1967) (<i>Bruner</i> , 1995)
Классификационная (таксономическая) / индексационная (указательная)	На каком основании лежит претензия (требование) людей на социальную идентичность?	Категоризация и межгрупповая дискриминация (различение) Классификационная (таксономическая)	(<i>Taifel</i> , 1981) (<i>Deaux</i> , 2000)

Метафора	Производный вопрос	Типичные теории	Теоретики (работы)
<i>Метафоры, связанные с внешним и внутренним миром человека (пограничные)</i>			
Философская	Как возникает Я-концепция в отношениях ум–тело?	Сознание как ум Множество проектов модели сознания	(Searle, 1994) (Dennett, 1996)
Диалогическая	Как Я-концепция создается через дискурсы и диалоги?	Ценности и этика Множественное Я Диалогическое Я	(Hospers, 1995) (Bakhtin, 1986) (Shotter, 1999) (Herman, 1999) (Harre, van Langenhove, 1999)
Социальное Я	Каким образом взаимодействие опыта и наследственности влияет на Я-концепцию с точки зрения личности и индивидуальных различий?	Черт Психоаналитическая Социального обучения Гуманистическая	(Eysenck, 1953) (Cattell, 1963) (Kelly, 1955) (Jung, 1923) (Bandura, 1977) (Rogers, 1969) (Maslow, 1968)
<i>Системная метафора</i>			
Экологическая	Как Я-концепция развивается и регулируется как система?	Кибернетические определения жизни Аутопоэтическое Я Саморегуляция Динамическая Я-концепция	(Korzeniewski, 2001) (Capra, 1997) (Maturana, Varela, 1980) (Ford, 1987) (Schunk and Zimmerman, 1994) (Markus, Wurf, 1987)

METAPHORS IN PSYCHOLOGY AS AN INSTRUMENT FOR SELF STUDY

M. P. Rekunchak

Post graduate student, Omsk State Pedagogical University, Omsk

Different conceptions about metaphors and their role in the humanities are considered. A number of generalization concerning metaphors as analytic-and-synthesis instrument which mediates processes of understanding, interpretation and generation of a new scientific knowledge are stated. By its means main approaches to Self study were analyzed. Importance of new root metaphors identification is based; problems of introduction of new generalized metaphor for the theory of Self in psychology are discussed.

Key words: metaphor, Self, understanding, reflection, meaning, collecting of Self.